

Новое Литературное Обозрение

[О НАС](#)[КНИГИ](#)[ЖУРНАЛЫ](#)[СОБЫТИЯ](#)[ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН](#)[ENG / РУС](#)

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ № 128 (4/2014)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)

Ольга Малинова-Тзиафета [e-mail](#)

«Квартирный вопрос» в действии:

ВЛАСТИ, ГРАЖДАНЕ И МАССОВАЯ ЗАСТРОЙКА ВРЕМЕН ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

Harris S.E. COMMUNISM ON TOMORROW STREET: MASS HOUSING AND EVERYDAY LIFE AFTER STALIN. — Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013. — XXII, 394 p.

Хрущевские дома — блочные пятиэтажки второй половины 1950—1960-х гг. — сейчас прочно ассоциируются, по крайней мере у жителей центральных районов мегаполисов, с незавидным бытом простых советских людей. Сейчас уже трудно поверить, что когда-то с ними связывались надежды горожан на лучшую жизнь и личное счастье. В 1950-х гг. в СССР началась масштабная кампания по переселению горожан из бараков, общежитий и коммуналок в небольшие квартиры, рассчитанные на одну семью.

Название посвященной этому периоду книги Стивена Харриса «Коммунизм на завтрашней улице» содержит отсылку к картине Юрия Пименова «Свадьба на завтрашней улице» (1962). Красивая молодая пара ступает по шатким доскам среди рытвин в районе новостроек. Впереди у них — новая жизнь. Ясно, что значительная часть забот по благоустройству и обживанию нового пространства — и нового коммунистического мира — должна лечь на их плечи.

Проблема, которая прежде всего интересует автора, касается характера взаимодействия между государством и обществом, а именно того, как в программе массового строительства в хрущевский период отражались надежды и реальный опыт двух основных социальных акторов: обычных людей с их частной жизнью и государственных властей с их стремлением

НЛО

[Свежий номер](#)[Архив номеров](#)[Краткий обзор научных публикаций](#)[Информация для авторов](#)[Редакция журнала](#)[Подписка, контакты](#)

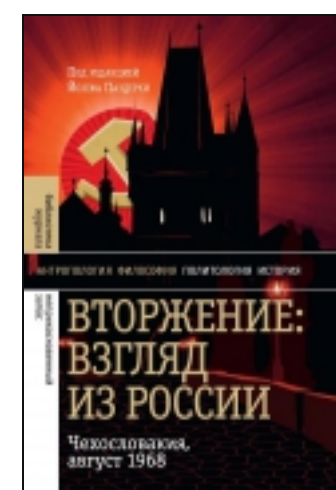
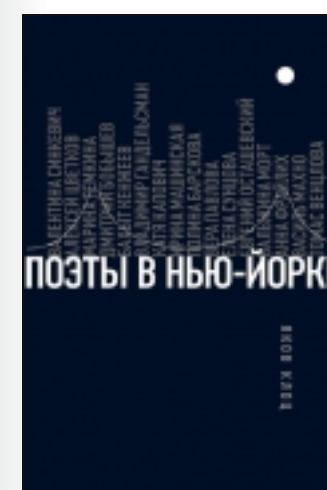
НЗ

[Свежий номер](#)[Архив номеров](#)[Редакция журнала](#)[Подписка, контакты](#)[Правила для авторов](#)

ТМ

[Свежий номер](#)[Архив номеров](#)[Редакция журнала](#)[Подписка, контакты](#)

НОВИНКИ

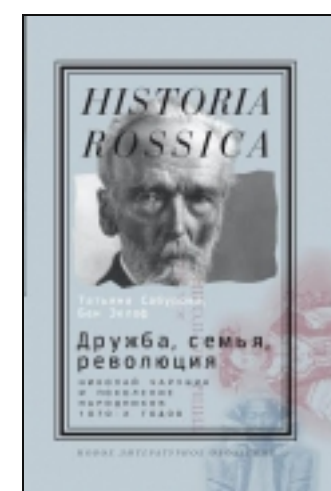
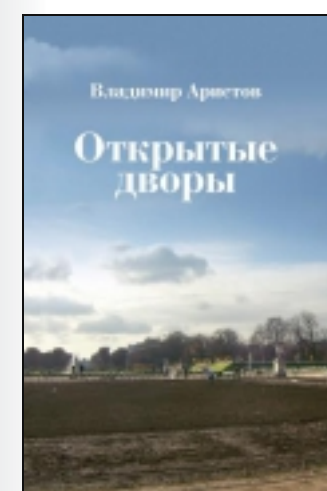
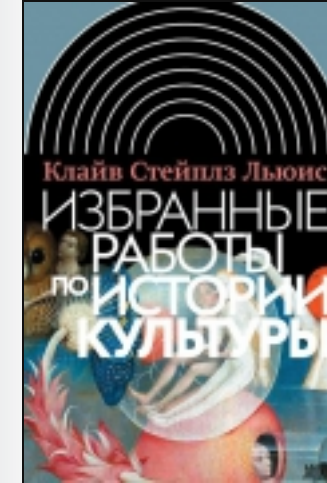

восстановить доверие людей к коммунистической идее, поколебленное жесткой политикой сталинского времени. С. Харрис показывает, насколько неопределенной была грань между властями и обществом, а роли действующих лиц — амбивалентными. Чиновники разных рангов, строители и эксперты в разных областях (от архитекторов до авторов пособий по домоводству в отдельной квартире) выступали и как представители государства, и как «обычные горожане», которые тоже нуждались в квартирах. Это существенно корректирует устоявшиеся в науке представления об СССР как о тоталитарной стране, где государство разрабатывает и навязывает обществу «правильную» модель жизни, а общество вынужденно принимает ее и где участие его в государственных проектах — сугубо опосредованное.

Важно, что в центре внимания находятся не столько крупные политики после- сталинской эпохи или «сливки» интеллигенции, сколько «обычные горожане» (*ordinary residents, common citizens*). Их мнение, выражавшееся в жалобах, письмах в газеты и выступлениях на собраниях, так или иначе вносило вклад в развитие хрущевской оттепели. Автор отмечает, что относительно ясной была до сих пор лишь реакция на оттепель творческой интеллигенции — позитивная. Немногочисленные попытки исследовать другие социальные группы дали противоречивые результаты. Оказалось, что далеко не все приветствовали десталинизацию, расформирование ГУЛАГа и реабилитацию политических заключенных, а также новые веяния в литературе и искусстве. Кроме того, трудящиеся зачастую ожидали от реформ позитивных перемен принципиально иного рода, чем те, которых ждала интеллигенция. Их интересовала не «борьба с государством (идеологией коммунистической партии) за границы дозволенного (в высокой культуре)» (с. 16), а новинки сферы потребления, новые дома, туризм. В книге исследуется, каким же был этот неэлитарный опыт оттепели — опыт жителей отдельных квартир (в недавнем прошлом — общежитий, коммуналок и бараков), которые охотно критиковали массовое строительство.

Новые районы и их обитатели — идеальная среда для изучения отношений между обществом и государством, и выбор термина «обычные горожане» вполне удачен. Едва ли можно точнее выделить, исходя из пространственного принципа, какой-либо социальный слой в советском городе, чем в этом случае. Среди обитателей хрущевок были и рабочие (как горожане-старожилы, так и вновь прибывшие в крупные центры «по лимиту»), и представители интеллигенции (как люди, принадлежавшие к дореволюционной культурной и научной элите, так и так называемые интеллигенты в первом поколении, ставшие учителями, врачами, учеными). Их личные истории и социальное самосознание, разумеется, не стали с переездом на новую квартиру менее значимыми. Однако опыт новой жизни на окраине города и заботы, связанные с освоением нового пространства, объединяли и сближали. Переехав в новую квартиру, горожане приобретали новую идентичность, не теряя прежних различий.

Серьезным достоинством книги является то, что история хрущевской за-

стройки включена здесь в широкий мировой, европейский и российский исторический контекст. В первой части («Создание отдельной квартиры») С. Харрис показывает, что «квартирный вопрос» был тесно связан в СССР с общеевропейским движением за реформирование сферы жилья и кризисом в этой области. Он остро проявился в крупных европейских городах в XIX в. и далеко еще не был преодолен в последующие несколько десятилетий.

Односемейная квартира, хорошо проветриваемая и не пропитанная сыростью, а значит, и не вредящая здоровью обитателей, долгое время оставалась недостижимой мечтой для множества городских жителей в Европе и Америке. Наделение всех трудящихся отдельными квартирами — идея, лежавшая в основе программы большевиков, а массовое строительство хрущевского времени — это одновременно и советский ответ на общеевропейский квартирный кризис, и реализация целей и задач Октябрьской революции. Таким образом Хрущев стремился завершить два революционных проекта: решение жилищной проблемы и построение коммунизма.

Глубокое погружение в исторический контекст позволило автору пересмотреть и дополнить основные положения, утвердившиеся в западной и отечественной литературе о «квартирном вопросе» в СССР. Прежде принято было скорее обличать политику большевиков в этой области, нежели углубляться в тонкости и трудности условий ее формирования. О резкостическом отношении свидетельствуют уже названия работ последнего десятилетия: например, «Слезы социализма: жилье в Ленинграде между повседневностью и утопией» немецкого историка Юлии Обертрайс или «Наказание жилищем» ее российского коллеги Марка Мееровича^[1].

Понятие «утопия», подразумевающее мечты и попытки, которые заведомо не могут воплотиться в жизнь и увенчаться успехом, тесно связалось в западной литературе с советскими историей и бытом (тогда как неудачную попытку реализовать «американскую мечту» — а провалы на этом пути неизбежны, ведь стремятся к ней все, а побеждают единицы — утопией не называют). Став универсальным, оно задало вектор исследования не только «квартирного вопроса», но и, например, парковой культуры (существующий по сей день парк Горького в Москве был назван «зеленой утопией»^[2]) и т.д. «Утопическое» восприятие советской истории — возможно, наиболее резко выраженное в немецкоязычной литературе — относит нас к политическому контексту, сформировавшему неприятие советских реалий еще во время холодной войны: к политической борьбе против СССР на Западе («СССР — империя зла») и протесту против навязчивой социалистической пропаганды внутри самой страны. В изучении СССР наступает новая эпоха, ученые стремятся глубже разобраться в сути явлений, абстрагируясь от негативного/позитивного отношения к стране и коммунистической идее в целом. Это касается нового взгляда как на политическую историю холодной войны^[3], так и на культурную и повседневную жизнь Советского Союза.

Так, С. Харрис существенно дополняет распространенное представление о жилищной политике СССР довоенного времени как о жестоким идеологическом

эксперименте по созданию «нового человека» в бесклассовом обществе. В соответствии с такой трактовкой, ученые охотно тематизировали несправедливость по отношению к бывшим собственникам, связанную с экспроприацией жилья и продуктов питания в революционные годы, а также объективные тяготы коммунального жилья^[4]. При этом сама цель этой политики, то есть массовое переселение рабочих из сырых подвалов в квартиры правящих классов, отходила на второй план. Характеризуя историографию вопроса таким образом, С. Харрис обошел вниманием книгу Ю. Обертрайса, где упоминаются и жестокий квартирный кризис в дореволюционное время, и слезы собственников, и радость рабочих. Тем не менее общая тенденция отчетливо просматривается и в этой работе, пусть и с некоторыми оговорками. Вместо «людей будущего», с радостью трудящихся на благо общества, большевики получили население, страдающее от нехватки в быту всего, включая домашний покой. Цели большевиков — воспитание «нового человека», свободного от эксплуатации и социальных болезней, открытого для творчества, «выросшего» из узких рамок, которые диктует ему общество потребления, — оставались лишь мечтами. М. Меерович полагает, что эксперимент с коммуналками был осуществлен руководством СССР сознательно, с целью тотального контроля над горожанами: так людей легко можно было мобилизовать для проведения любых кампаний. Таким образом, политику большевиков по воспитанию «нового человека» действительно можно было бы считать утопической попыткой достичь глобальных гуманистических целей и решить экономические задачи с помощью неподходящих средств. Мешает этому взгляду лишь дореволюционный контекст «квартирного вопроса» с его страшными реалиями (чего стоила только практика нанимать для жилья даже не комнату в квартире, а угол в комнате, распространенная среди рабочих семей и городской бедноты! Тиф и холера распространялись в таких помещениях мгновенно, ужасающе высокой была детская смертность), с бесплодными дискуссиями в среде врачей и городских властей^[5]. Авторы работ о жилье в СССР касались этих тем, а также многочисленных обсуждений «квартирного вопроса» в партии бегло или же не рассматривали их вовсе.

Согласно книге С. Харриса, жилищная политика большевиков обусловлена решением глубоких социальных проблем, таких как чрезвычайно широкое распространение заразных болезней, высокий уровень смертности и неудовлетворительное состояние городского жилья. Царский режим отказывался регулировать отношения между владельцами квартир и квартиросъемщиками. Рычагов, заставлявших хозяев поддерживать свои дома в надлежащем санитарном состоянии, не существовало. Марксисты полагали, что решить их кардинально можно лишь после революции. Преодолевать эти проблемы начали в условиях гражданской войны и тягостного наследия Первой мировой. Стремясь проследить логику большевиков, С. Харрис, в частности, подробно рассматривает соответствующие проекты Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, а также идеи и проекты архитекторов 1930—1950-х гг. Жилищная политика далеко не исчерпывалась узкими целями социального

контроля. Большевики, следуя идеям Маркса, верили, что лишь они могут решить проблемы с жильем для трудящихся и это станет серьезной опорой нового социального строя. Коммуналки, организованные еще в первые годы советской власти, не рассматривались ни как идеальный, ни как итоговый вариант решения вопроса о жилье в СССР. Архитекторы работали над созданием квартиры нового типа, ориентируясь, среди прочего, на опыт Запада и заимствуя идеи и технологии в области массовой архитектуры даже в 1930-х гг., когда экономические связи с развитыми странами мира были в целом оборваны. Два ключевых элемента массовой застройки были получены там, переработаны и представлены обществу уже как социалистические. Речь идет о нормах жилой площади (они исходили из идей М. фон Петтенкофера, врача-гигиениста XIX в., и использовались еще при распределении комнат в коммунальных квартирах в самом начале революции), а также об идее маленькой односемейной квартиры как единицы городского жилья. Именно на них ориентировались при проектировании и строительстве в 1930-х гг. отдельных квартир для «среднего класса» — партийных функционеров и привилегированных специалистов, в среде которых выработались буржуазные по своей сути ценности. В хрущевский период этот опыт был распространен на «обычных горожан», и хрущевки стали уменьшенным вариантом сталинских квартир, создаваемых по тем же принципам.

Во второй части книги («Распределение квартир, реструктурирование общества») на примере Ленинграда выявляются и анализируются конфликты, в результате которых сформировалась система распределения жилья. В главе «Очередь на квартиру» показывается, как изначальное намерение Хрущева наделять квартирами всех советских граждан, нуждающихся в жилье, по принципу равенства столкнулось с реальной деятельностью местных институтов. Роль правительства при этом далеко не была решающей, куда более серьезное значение имели Ленинградский горсовет, ставший центральной инстанцией по распределению жилья в городе, промышленные предприятия, стремившиеся зарезервировать как можно больше квартир для своих рабочих, райсоветы и простые граждане, проводившие тонкие и продуманные стратегии для защиты своих интересов. Так определенные приоритеты в отношении отдельных социальных групп (участников Гражданской войны, демобилизованных из армии, вдов и детей погибших, рабочих важных для местной промышленности специальностей) менялись и корректировались. В результате обсуждений вопроса между горсоветом и райсоветами появилась еще одна привилегированная категория — «коренные ленинградцы». И без того острая жилищная проблема оказалась здесь к тому же сильно политизированной. Свое право на получение отдельных квартир доказывали в том числе люди, репрессированные в конце 1930-х гг., высланные из города и реабилитированные во время оттепели. Горсовет под разными предлогами отказывал им в постановке на очередь и вычеркивал из списков уже внесенные имена. Райсоветы пытались защитить права жителей своего района — и реабилитированных, и вообще не допущенных к очереди на жилье по тем или иным причинам.

Автор приходит к выводу, что Ленинградский горсовет использовал списки очередников как средство для отсеивания людей, которые не заслуживали жилья по тем или иным причинам (жили в области, были реабилитированными, не владели нужными рабочими специальностями). Он защищал интересы заводов и фабрик, наделяя жильем рабочих требующихся им специальностей. Можно описать эти меры как попытку включить в очередь множество нуждающихся, избегая излишнего накала страстей. Кстати, достичь этого удалось не вполне: в других городах, в частности в Москве, как отмечает автор со ссылкой на работу С. Биттнера^[6], «квартирный вопрос» был куда менее политизирован. Некоторая жесткость этого тезиса объясняется тем, что автор рассматривает вопрос «в движении», концентрирует внимание не только и не столько на изначальных намерениях и мотивах властей, сколько на стиле и методах управления. Таким образом подчеркивается цинизм руководителя горсовета, объяснявшего подчиненным, как именно следует отказывать просителям, даже если их требования на квартиру имеют законные основания. Автор подтверждает распространенный тезис о том, что общество в СССР не было вполне бесклассовым. Равенство было лишь формальным, существовала определенная иерархия, и граждане получали жилье в соответствии с тем, какое положение они в ней занимали, какие заслуги перед государством имели (ветераны Гражданской войны, Отечественной войны). Американский историк Гольфо Алексопулос определила эту сложную стратификацию общества сталинского времени как «иерархию степеней гражданской принадлежности» (*hierarchy of states of civic belonging*). С. Харрис показал, что она продолжала свое развитие и дальше, в эпоху оттепели.

Автор заставляет читателя услышать голоса эпохи и увидеть столкновения амбиций чиновников. Книга провоцирует вопросы, связанные с продолжением некоторых линий рассказа — хотя, возможно, для исследования их просто отсутствуют какие-либо данные. Например, интересно было бы узнать, в какой степени решения горсовета зависели от нужд исполкома, в случае необходимости приглашавшего в город рабочих и специалистов из других регионов, а также от требований стоявшего над ними обоими обкома партии. Если распоряжения (официальные или неофициальные) выделять определенное количество квартир для рабочих шли оттуда, то речь может идти не только о властных амбициях чиновников горсовета/исполкома/обкома или руководителей предприятий, но и о нуждах экономики страны. В конце концов, именно развитие промышленности гарантировало финансовую и материальную стороны программы массового строительства: как иначе можно было привлечь на производство рабочих недостающих специальностей, как не пообещав/предоставив им жилье? Вопрос о характере распределения жилья важно рассматривать в контексте планового хозяйства и его возможностей, причем как в целом, так и в первые послевоенные десятилетия, когда восстанавливать пришлось всю европейскую часть СССР, а холодная война требовала дальнейшего развития оборонной промышленности. Декларация центральной власти о наделении квартирами всех городских семей была невыполнима за короткое время, и особенно трудные условия Ленинграда^[7]

лишь усугубляли проблему. Местный горсовет мог оказаться не только обладателем фактической власти, которая и во времена оттепели оставалась «выше и важнее населения» (с. 186), но и заложником красивых обещаний Хрущева.

Четвертая глава («Классовое и массовое жилье») продолжает тему социальной дифференциации в советском городе на примере двух программ, позволявших горожанам получить отдельную квартиру, минуя очередь на жилье: «народной стройки» и кооперативов.

«Народная стройка» стала экспериментом, проведенным на промышленных предприятиях в нескольких городах: Горьком (Нижегород), Молотове (Перми) и др. Нуждавшиеся в жилье рабочие получали от завода право работать на строительстве дома и получить в нем квартиру. Здесь действовал принцип личной заинтересованности, что наряду с нетривиальным характером проекта вызвало интерес за рубежом, в частности в США. Рабочие кооперировались и строили дома не только для себя, но, случалось, и для нуждающихся сотрудников: например, для одинокой матери, которую к тому же нечем было заменить на ее рабочем месте. Это интерпретировалось как предвестие коммунистических социальных и трудовых отношений. Программа, давшая около 240 тысяч квартир рабочим и встреченная с большим энтузиазмом, была, однако, свернута уже к 1960-м гг.

Кооперативы предполагали внесение за квартиру определенной платы, что открывало возможности для более обеспеченных горожан. С. Харрис заключает, что обращение к ним показало ограниченность хрущевской оттепели, так как приоритет в пользу промышленных рабочих сменился приоритетом в пользу элиты, того самого «среднего класса» с его буржуазными ценностями. Таким образом, при распределении жилья классовые различия были не только возможны, но и желательны.

Автор задается вопросом: не заключило ли государство сделку с элитой, чтобы она гарантировала поддержку режиму в обмен на буржуазный стиль жизни? Дарование промышленным рабочим привилегии «перепрыгнуть границу» социальной стратификации напрямую к отдельной квартире и оставление городской элиты в коммуналках было бы грубым нарушением такого договора (см. с. 186). Стоит заметить, что вопрос о договоре между властью и населением в СССР чрезвычайно дискуссионен. Во-первых, не вполне ясны границы самой «элиты из коммуналок», ведь крупные политики, ученые и «сливки» творческой интеллигенции, способные оказать на власти серьезное давление, в 1950-х гг. уже имели отдельные квартиры. Во-вторых, непонятен способ, которым городская элита могла бы договор нарушить. Имеется в виду политический протест или побег из СССР? То и другое было затруднительным и опасным делом. Отказ от репрессий в хрущевское время еще не означал отмены контроля в области идеологии и внутренней политики. В связи с этим вспоминается ответ Иосифа Бродского о степени политизированности общества в Ленинграде ко времени его ареста (1964): «Так вот, гэбэшники — это именно те люди, которые придумывают себе занятие, потому что прямых дел у них, в общем, нет. Ну кто в России занимается

свержением государственного строя? Да никто! <...> Может быть, если до тридцать седьмого года кому-то и приходило в голову поставить наверху кого-нибудь другого, то после тридцать седьмого подобные идеи вряд ли уж возникали. И ни о каком оружии на руках у населения речи уже идти не могло. Может быть, в порядке исключения. И с подобными делами вполне могла бы справиться милиция»^[8].

Вывод автора о классовом характере перехода к кооперативам и о перемещении приоритета с рабочих на «белые воротнички» как результате лоббирования интересов вторых в ущерб первым трудно оспорить. Взнос за кооператив был значительной суммой, в 1950—1960-х гг. его могли позволить себе не все граждане. Такие квартиры были просторнее, планировка — удобнее, а подселять туда посторонних жильцов, как в коммуналку, запрещалось (хотя это иногда и делалось вопреки закону). Значит, обладатели в дополнение к своим финансовым возможностям получали привилегии, связанные с качеством жизни. С другой стороны, успешно провести «народную стройку» можно было лишь в масштабе нескольких предприятий, а расширение этой программы нанесло бы ущерб экономике страны. Вариант же кооператива позволял государству отсечь от очереди на бесплатное жилье тех, кто мог бы покрыть часть расходов на его строительство. Таким образом, речь может идти не о смене приоритетов в отношении социальных групп, а скорее о поиске жилищной альтернативы, которая отвечала бы реальным возможностям планового хозяйства при Хрущеве.

Итак, участники «народной стройки» получали явные преимущества, особенно по отношению к тем «обычным горожанам», кто не обладал средствами и не получил допуска к очереди на жилье. При этом расширение эксперимента могло бы стать грандиозной экономической авантюрой социалистического толка. Вспомним, что квалифицированные рабочие Горьковского автомобильного завода и других предприятий трудились на стройке, покидая рабочие места на длительный период времени, но продолжая получать фиксированную зарплату. Логично предположить, что профессионалу-строителю потребовалось бы гораздо меньше времени для выполнения задачи, чем рабочему автозавода. Тем более, что она предполагала наличие специальных навыков, ведь речь шла о многоквартирных (до пятидесяти квартир) зданиях в несколько этажей. Значит, экономически труд рабочих был невыгоден, а их долгое отсутствие не позволяло заводам работать в полную силу. Могла ли страна ослабить свои производственные мощности на пятилетку или больше, пока ее квалифицированные рабочие сами не построят себе квартиры? Не выгоднее ли было просто увеличить масштабы строительства и обеспечить квоту для рабочих? Кроме того, совершенно невозможно представить себе распространение эксперимента на НИИ, школы, больницы, магазины: кем заменять работников на время долгого отсутствия? И как гарантировать качество, безопасность и долговечность здания? А ведь в «народной стройке» хотели участвовать, например, молодые специалисты-геологи, писавшие по этому поводу жалобы Хрущеву (см. с. 169—170). Одним это разрешалось, другим — нет. И социальная справедливость, и экономика

здесь явно пострадали. Доводы крупных партийных чиновников в пользу отказа от «народной стройки», которые автор рассматривает с большой долей недоверия и критики (с. 171—177), таким образом, не лишены смысла. Присутствие среди них руководителя Госстроя и других организаций, связанных с экономическим планированием, лишь свидетельствует в пользу их широкого взгляда и понимания проблемы в масштабах всей страны. Переход к кооперативам в таком случае еще не означал, что чиновники руководствовались интересами класса, к которому сами принадлежали.

В конечном счете кооперативная квартира стала маркером социального преуспевания владельца. Социальному расслоению в обществе способствовали и массовые раздачи дачных участков, и очереди на покупку автомобилей.

Создавались ли эти программы в интересах «среднего класса» изначально? Построить дачу и/или купить автомобиль могли далеко не все граждане. В книге о хрущевской застройке речь идет о времени, когда имущественное расслоение населения уже нужно было принимать как данность.

Тематизирование и исследование не резкого, но вполне заметного для граждан социального неравенства при социализме, чрезвычайно важное для понимания общества периода хрущевской оттепели, открывает возможность для обобщающего социально-экономического исследования, где в долгой перспективе рассматривалось бы складывание дифференцированной социальной структуры в СССР и ее взаимодействие с экономикой и внутренней политикой страны.

Третья часть книги («Жизнь и потребление по-коммунистически») посвящена самым разным аспектам освоения пространства хрущевских новостроек — процесса, в котором кроме самих владельцев квартир участвовали множество акторов — от служащих ЖЭКа до самого Хрущева.

В главе «Сообщество в массовой застройке» показывается, с одной стороны, как власти посредством экспертов и популяризаторов разрабатывали планы по построению подлинно коммунистических отношений в пространстве, где семьи должны жить обособленно друг от друга. С другой стороны, действительность мало соответствовала планам властей, и граждане объединялись, чтобы изменить ситуацию в соответствии со своим пониманием задачи: в народные дружины для борьбы с хулиганами (речь идет о добровольном вступлении в дружину, что случалось нередко); в коллективы, пишущие жалобы на отсутствие стадиона, нерегулярное транспортное сообщение и проч.; наконец, образ жизни молодых людей, по ночам выпивавших с девушками в подъездах, тоже можно рассматривать как способ объединения, правда, девиантный. Этнография хрущевских дворов (такие темы, как социальный контроль и авторитет, коммуникация и ритуалы среди жителей одного подъезда, ментальные границы в хрущевском дворе) остается за рамками исследования. Интересуют С. Харриса, главным образом, конкретные действия, которые горожане предпринимали в своих интересах.

Границы между властью и обществом и в этом аспекте стали вполне проницаемыми: граждане искали вмешательства государства в свои дела и не

ожидали репрессий даже в том случае, если самовольно захватывали еще строящиеся квартиры (С. Харрис рассказывает о таких случаях в крупных городах). Особую поддержку местных властей получали дольщики кооперативов: в некоторых случаях им удавалось даже «лоббировать» выбор места для дома, чтобы жить поближе к центру и подальше от обычных новостроек. В середине 1960-х гг. в Саратове их притязаниям не смогли помешать ни индивидуальная застройка, ни необходимость проводить дополнительные коммуникации, а жалобы пострадавших жителей, которых насильно переселяли в другие места, оставались без серьезных последствий. Это сформировало еще одну границу между привилегированными и непривилегированными районами новостроек. Кроме того, новые владельцы не только стремились достичь определенного комфорта, но и охотно примеряли на себя новые идентичности (дружинник, автолюбитель и т.д.) взамен тех, что позволяли им эти квартиры получить (ветеран войны и т.д.). Все эти проявления ярко характеризуют массовую культуру потребления в ее социалистическом варианте, примечательно и общее сходство с ее капиталистическим воплощением.

В главе «Новая мебель» С. Харрис показывает, как на самых разных уровнях обсуждалась тема обстановки новых квартир — от разработки дизайнерских проектов до проблем покупки мебели, а также о том, какие ценности и социальные нормы проявлялись в связи этой темой. Модернистский дизайн преподносился экспертами как последнее слово науки и техники, и горожане встречали эту пропаганду с доверием. Не случайно собрать неплохую коллекцию антиквариата в Ленинграде можно было, регулярно обходя места для сбора мусора в центральных районах.

Тема дизайна квартир обсуждалась в контексте соревнования между социалистическим и капиталистическим строем. Яркий пример тому — знаменитые «кухонные дебаты» между Хрущевым и Р. Никсоном на открытии Американской национальной выставки «Промышленная продукция США» в выставочном центре парка «Сокольники» в Москве (1959). Ссылаясь на социолога Г. Кастилло, С. Харрис рассматривает модернистские проекты домов и мебели середины XX в. как символ, который каждая из социоэкономических систем — и американо-европейская, и социалистическая — использовала для доказательства своего превосходства. Американцы проводили бесчисленные выставки, чтобы продвинуть интернационализм Североатлантического альянса и показать американский стиль жизни как продвинутое потребление. Восточный блок продвигал свой вариант модернистского дизайна сходным образом: как знак транснационального единства и экономической интеграции внутри лагеря, а также как научный и рациональный подход к консюмеризму и как противовес его хаотичному и чрезмерному варианту (см. с. 236). Варианты обстановки квартиры были представлены на многочисленных выставках в СССР, в то время как в магазинах «обычные горожане» находили совершенно другую продукцию. Выставки становились средством коммуникации между потенциальными потребителями и дизайнерами: в книге предложений они критиковали

разработчиков за копирование западных образцов, за их несоответствие размерам хрущевок, а также за то, что чудо-наборы трудно приобрести.

В главе «Политика жалобы» С. Харрис показывает, как неспособность экономики производить достаточный объем товаров народного потребления, а также быстро устранять дефекты новостроек была политизирована в результате многочисленных жалоб трудящихся. Жалоба стала важнейшим средством публичной коммуникации между гражданами и властями разных уровней. Такое открытое обсуждение, часто при посредстве прессы, стало возможным лишь в период оттепели. По поводу недостатков планировки развернулась острая полемика, участниками ее стали и лично Н.С. Хрущев, и архитекторы, и обитатели хрущевок. Гнев граждан обрушивался, разумеется, на архитекторов, спроектировавших квартиры, слишком маленькие даже для одной семьи. Последствия таких обсуждений были далеко не столь серьезными, сколь в сталинское время. Обвиненные в халатности руководители могли лишиться кресла, но уже не свободы и не жизни. Советское общество обрело иллюзию свободы слова (аналогичная возможность была предоставлена обществу в период Великих реформ 1860—1870-х гг.). Острая тема из области городского хозяйства открыто обсуждалась и разносторонне критиковалась в прессе, а на экономические и политические вопросы был наложен строгий запрет. На время реформ, пока общество ожидало масштабных перемен, ему была дана отдушина для выплеска гражданской активности. В конце XIX в. это была тема очищения и оздоровления города в целом, а в 1950—1960-х — квартирный вопрос. После этого наступает реакция, острая тема становится менее желательной для обсуждения и постепенно угасает. Дискуссии уходят из публичного пространства в приватное, обогащаются новыми темами, протест зреет подспудно.

Книга С. Харриса — серьезный труд, показывающий оттепель глазами «обычных горожан», повествование наполнено их диалогами, проблемами и надеждами. Тот период принес с собой перемены в повседневной жизни самых широких слоев городского населения, способствовал политизации общества, открыл перед ним возможность и необходимость диалога с властями и в то же время способствовал развитию социального неравенства и распространению буржуазных ценностей. Новые возможности, раскрытые (а в случае завершения «народной стройки» — и закрытые) перед советскими гражданами на время этой хрущевской кампании, способствовали созданию нового общества. «Коммунизм на завтрашней улице» — продукт кропотливой исследовательской работы, результаты ее важны как для понимания общества в эпоху оттепели, так и для дальнейших исследований в области городской истории и антропологии, а также социально-экономической истории.

[1] См.: Obertreis J. *Tranen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie. 1917—1937.* Köln; Weimar; Wien: Bohlau, 2004; Меерович М.

людьми (1917—1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008.

[2] См.: Kucher K. Die grüne Utopie: Zur Genese des sozialistischen Parks in den ersten Jahrzehnten der Sowjetunion // Gartenkultur in Russland: Beiträge des Symposiums am Zentrum für Gartenkunst und Landschaftsarchitektur (CGL) der Leibniz Universität Hannover, 9. — 11. Mai 2012 / Hrsg. A. Ananieva, G. Groning, A. Veselova. Worms: Werner, 2013. S. 83—96.

[3] См.: Schild G. 1983: das gefährlichste Jahr des Kalten Krieges. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2013.

[4] См.: Jahn H.F. The Housing Revolution in Petrograd 1917—1920 // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1990. № 38:2. P. 212—227; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии (1920—1930-е годы). СПб.: Журнал «Нева»; ИД «Летний слъ», 1999.

[5] См.: Малинова - Тзиафета О. Из города на дачу: Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914). СПб.: ЕУСПб, 2013. С. 64—156.

[6] Bittner S. Exploring Reform: De-Stalinization in Moscow's Arbat District, 1953—1968. Ph.D. diss. University of Chicago, 2000.

[7] Имеются в виду изначальная перенаселенность мегаполиса; высокая концентрация промышленных предприятий; расположение в дельте Невы и у топких берегов залива; невозможность строить высотные дома и распространение городских районов в значительном отдалении от центра; наконец, потребность в разветвленной сети метро, строительство которого требовало особенно высоких инвестиций: тоннели залегают на глубине нескольких сотен метров, многие из них проходят под реками. Кроме того, после блокады город нуждался в масштабном восстановлении не только жилого фонда, но и почти всей сети подземных коммуникаций.

[8] Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: ЭКСМО, 2003. С. 79.

